

УДК 94(4/9)

Ф.Т. Кукеева, А.К. Ордабаев*

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*E-mail: assetorda@gmail.com

**Государства Центральной Азии:
в поисках корней демократии в истории народов**

Авторы статьи рассматривают проблему поиска исторических корней демократии политическими элитами Центральной Азии с целью найти демократическую преемственность и обосновать особенность своей модели демократии.

В статье также показана оценка отечественных и зарубежных экспертов процессов демократизации в государствах региона через призму поиска первичных демократических ценностей в прошлом для объяснения демократических реформ политической системы в настоящем. Авторы статьи отмечают, что в Казахстане также опираются на свое историческое прошлое т.н. «степную демократию», создания культа героев-демократов – справедливых биев, "народных" ханов, что позволяет выстраивать особую модель демократии, которая учитывает все факторы влияющие на вхождение нашей страны в мировое демократическое сообщество. Так же авторами отмечено, что путь выбранный Казахстаном является более сложным, нежели другими странами Центральной Азии.

Ключевые слова: демократия, Центральная Азия, Казахстан, история, экспертная оценка.

F.T. Kukeeva, A.K. Ordabayev

The states of Central Asia: in search of the roots of democracy in the history of the people

The paper examines the problem of finding the historical roots of democracy by political elites in Central Asia in order to find and prove the continuity of the democratic aspect of their model of democracy.

The article also shows the estimated domestic and foreign experts and democratization processes in countries of the region in the light of the primary search of democratic values in the past to explain the democratic reforms of the political system in the present. The authors note that Kazakhstan is also based on its historical past the so-called "Steppe democracy", the cult of heroes Democrats – fair biy, "folk" khans, which allows you to build a special model of democracy, which takes into account all the factors affecting the entry of our country into the international democratic community. As the author pointed out that the path chosen by Kazakhstan is more complex than the other countries of Central Asia.

Keywords: Democracy, Central Asia, Kazakhstan, history, expert judgment.

Ф.Т. Кукеева, Ә.Қ. Ордабаев

Орталық Азия мемлекеттері:**халықтар тарихында демократияның түп-тамырларын іздестіру**

Мақала авторлары Орталық Азияның саяси элиталарының демократиялық сабақтастығын табу және өзіндік демократия үлгісінің ерекшелігін негіздеу мақсатымен демократияның тарихи тамырларын іздестіру мәселесін қарастырады.

Мақалада отандық және шетелдік сарапшылардың бүгінгі саяси жүйедегі демократиялық реформаларды түсіндіру үшін кешегі күндерден алғашқы демократиялық құндылықтарды іздестіру призмасы арқылы аймақ мемлекеттеріндегі демократиялану үдерістеріне берген бағалары да көрсетіледі. Авторлардың айтуынша, Қазақстан да демократиялық-қаһармандар бейнелері – әділ билер, «халық»

хандары, яғни «далалық демократия» арқылы өз тарихи өткеніне арқа сүйей отырып, біздің елдің әлемдік демократиялық бірлестікке кіруге ықпал ететін көтеген факторларды ескеріп, демократияның ерекше үлгісін қалыптастыруға мүмкіндігі бар. Авторлардың пікірінше, Қазақстанның таңдаған жолы Орталық Азияның басқа елдеріне қарағанда күрделірек болып келеді.

Түйін сөздер: Демократия, Орталық Азия, Қазақстан, тарих, сарапшы бағасы.

Введение: После падения СССР необходимо было немедленно создать в прежних советских республиках новую модель, которая к тому же могла бы обеспечить собственную идеологию. Трудностей в поиске новых корней было множество, так как возникшим идеологическим вакуумом сразу же пытались воспользоваться различные группы, преследующие свои собственные цели (политические, религиозные, националистические). Это привело к усилению радикальных настроений в обществе (этнические конфликты в Кыргызстане, волнения на религиозной почве в Узбекистане, гражданская война в Таджикистане).

Осуществлявшиеся трансформации изменили все аспекты культуры стран: необходимо было запустить новую экономическую систему и начать жить по-новому, сменив весь образ жизни.

Согласно оценкам Международного валютного фонда и Всемирного банка, в 1990 г. от трети до половины населения республик Центральной Азии жила за чертой бедности. Поэтому построение демократии в республиках Центральной Азии имело свои трудности и особенности [1].

Новую модель создавали в рамках политической системы, которую характеризовали как демократическую, но из-за отсутствия строгого определения понятия «демократия» эти перемены можно было интерпретировать как угодно.

После распада СССР к власти обычно приходили представители коммунистической элиты. После провозглашения суверенитета своих республик они начинали проводить в жизнь политику перемен, которые не поддаются односторонней оценке, но в целом все пытались создать условия для перемен к лучшему.

Во всех республиках Центральной Азии слово «демократия» становится постоянным в словаре политической элиты центральноазиатских государств. Демократии приписывали определенную ценность: устанавливаемую политическую систему представляли как демократическую и таким образом добивались по-

ложительной реакции. Так как «демократия» воплощает определенную положительную ценность в современном мире, политическим элитам нужно было, по крайней мере, создать мнение международного сообщества, что перемены являются демократическими.

Для этого необходимо было проводить свободные демократические выборы (президентские или парламентские) и создавать демократические институты. США наряду с западными государствами и международными организациями (ООН, ОБСЕ) они как мировое сообщество, являются судьями этого процесса, и именно они решают, проходили ли выборы в соответствии с западными стандартами демократии или они не отвечали этим стандартам.

Основная часть: Говоря о методах демократизации государств Центральной Азии американские исследователи и практики отмечают особенности этого процесса в странах региона. В материалах комиссии конгресса США отмечалось, что «очевидно, что введение парламента и организация демократических выборов не обязательно ведут к эффективному делегированию власти представителям народа. Применение парламентской демократии в условиях Центральной Азии еще раз продемонстрировало, что этот метод управления государством не панацея, в данном регионе он потерпел очень серьезную неудачу» [2].

Этот метод фактически диаметрально противоположен тому, что было в Центральной Азии традиционным для организации общества, отличавшейся очень сильным делегированием власти на нижние уровни, а также совсем иным методом поддержания социальной связи и единства общества (прежде всего на основе родственных, племенных и региональных отношений).

Центральная Азия – регион уникальный. И не потому, что великие державы решили возобновить здесь затихшую было "большую игру". По мнению американского эксперта Ф. Закария: «Не в шелковом пути дело, и не в стратегическом

положении и даже не в огромных запасах нефти. Все это внешние факторы, которые лишь привлекают внимание любителей изящной геополитики. Для тех, кто живет в среднеазиатских странах, важнее другое, если, конечно, мы признаем, что в мире может быть хоть что-нибудь важнее нефти. Сейчас в этом регионе формируется государственная мифология, создается пантеон национальных героев, вспоминаются старые легенды, пишется заново история народов. Когда те же процессы происходили в Европе, никто не задумывался о показателях экономического роста и особенностях политической системы. Ведь завоевать независимость – это лишь полдела, суверенное положение нужно еще и оправдать как для других, так и для самих себя» [3].

Делая исторический экскурс, американские исследователи подчеркивают, что «легче всего сделать это, провозгласив своего хана наместником Аллаха и водрузив на центральной площади его золотую статую. Чем вам не выход из положения? Есть культ, есть его служители и есть народ, нашедший свое счастье в долгоденствии какого-нибудь Туркменбаши» [3, с. 40].

Согласен с ним и К. Шонберг, который отмечает, что «не следует забывать о том, что типичная восточная деспотия в своей государственной мифологии не отводит места для таких, например, понятий, как личный успех. И стоит принять данную форму правления, как тебе уже не добиться нового азиатского чуда, а ведь это не так уж сложно сделать в XXI в., которому, говорят, суждено стать веком Азии. Поэтому государству с амбициями, идущему по следам "южноазиатских тигров", следует искать другие рецепты» [4].

По-мнению многих исследователей, во всей Средней Азии только Казахстан понимает это. Отношение власти к созданию государственной мифологии здесь куда более тонкое, чем в остальных среднеазиатских странах. И это притом, что заниматься мифотворчеством Казахстану намного сложнее, чем его соседям. Ни тебе сказочной Бухары, ни древнего Ташкента, ни даже устойчивой письменной традиции. Существуют, конечно, песни местных акынов, но строить свою государственность на устных преданиях не так уж просто. С другой стороны, это и помогло казахским отцам-основателям не скатиться к традиционной деспотии. Такого опыта в истории "великой сте-

пи" не было. Своих ханов, как известно, кочевники выбирали. И в современном Казахстане одним из государственных мифов становится миф о «степной демократии» [5].

Следует также говорить о мобильности кочевого общества, где никогда не существовало замкнутых каст и положение в иерархии зависело от личных способностей человека. Казахская традиция предполагает сильную судебную и законодательную власть, ведь наравне с ханом в управлении кочевым государством участвовал суд биев, создавший древний свод законов. Без одобрения совета биев не могли решаться важные для государства вопросы. Он отвечал и за выборы верховного хана. По мнению современных казахских идеологов, существовала в кочевом государстве и четвертая власть – акыны, которые пользовались абсолютной неприкосновенностью. Даже общенациональные ханы не рисковали преследовать народных певцов. Как гласит казахская пословица: «Хан вправе снять голову с плеч, но не вправе лишить слова» [5, с. 118].

Когда представления о «степной демократии» становятся частью государственной мифологии, не таким уж блефом кажутся рассуждения власти о политической реформе. Вроде получается, что альтернативные выборы, повышение роли суда, свобода СМИ – все это логично вытекает из древней казахской традиции. Зачем, спрашивается, создавать такую мифологию, если идеалом правления является для тебя восточная деспотия, а демократическая фразеология – лишь ширма от навязчивых западных глаз [5, с. 120]?

По мнению американских экспертов, образ вольнолюбивой степи – одна из мифологем, которую казахская власть использует всегда. Например, желая обосновать эволюционный путь развития, она рассуждает о «степном знании», которое передается от поколения поколению. Частью государственной идеологии становится и гумилевская трактовка евразийской степи как места встречи славянского и тюркского миров. Синтез тюркской кочевой и славянской земледельческой культуры привел, по мнению Гумилева, к возникновению «евразийского суперэтноса» [6]. Гумилев, как известно, человек был увлекающийся и, сам того не ведая, создал казахскую версию евразийства. Действительно, кто еще в современном мире подходит под его определение "суперэтноса", если не казахстан-

цы, сумевшие вобрать в себя лучшее из двух миров. Стоит отметить, что именно евразийский миф стал идеологической основой для этнической терпимости в Казахстане [6, с. 250].

«Но все же большая часть государственной мифологии связана не с евразийской философией, а с историей «образующего нацию» казахского этноса. Для государства, которое чуть более 20 лет назад обрело суверенитет, это вполне естественно. Главная задача власти – доказать, что казахи были когда-то единым народом, а представления о враждующих кочевых племенах распространялись в советскую эпоху с тем, чтобы стереть саму память о казахской государственности. Идеологи создают образ власти, которая лишь устраняет историческое недоразумение и возвращает народу его прошлое. В истории отыскиваются ключевые моменты, которые могли бы определить национальное мировоззрение. Так, например, днем единства народов Казахстана провозглашается 28 мая – в память о состоявшейся в 1726 г. встрече трех казахских биев, объединивших силы для противодействия джунгарам» [7].

Современный Казахстан можно было бы охарактеризовать фразой, сказанной когда-то о Канаде: «Здесь очень много территории и слишком мало истории». Однако усилиями государственных идеологов с каждым годом казахское прошлое становится все более привлекательным. При этом никто не занимается составлением нелепых генеалогических древ, как в Узбекистане, где род Каримова был возведен к Тамерлану, или в Туркмении, где Ниязов назвал себя потомком Александра Македонского. Очень любопытно посмотреть на пантеон национальных казахских героев. Здесь не найдешь коварных и жадных до власти султанов. Напротив создается культ героев-демократов – справедливых биев, «народных» ханов. Среди них Толе-би, Казбек-би и Айтеке-би – судьи, заложившие основу суда биев, Аблай хан, пастух, объединивший казахские земли, Кенесары – предводитель казахской войны за независимость. Каждый из них удостоился памятника в новой столице. Медный всадник Кенесары, например, возвышается на берегу Ишима [8].

Вообще сама идея переноса столицы несла в себе не только практические выгоды – развитие центра страны, отсутствие землетрясений и самовольной элиты – это был и символический

жест власти, формирующей новую государственную мифологию. Так полагает, например, Генри Киссинджер, посетивший Астану, чтобы поддержать Назарбаева на прошедших президентских выборах. «В истории всегда великие деяния начинались с какой-то идеи, которая потом воплощалась», – говорит он о переносе столицы Казахстана. Футуристический антураж Астаны, архитектурная смелость и размах заставляют поверить, что страна живет в мифологическом времени. Неслучайно символом города становится «древо жизни» [9], причудливая стеклянно-металлическая конструкция, которая, однако, может со временем стать не менее узнаваемой, чем парижская Эйфелева башня.

За 20 лет независимого существования почти ничего не осталось от старой советской топонимики Казахстана. Были переименованы многие города, поселки и улицы. Партийные деятели уступили место легендарным батырам, чьи мемориалы строятся по всей стране. На них не жалуют денег, они – часть государственного культа, столь традиционного для казахов культа предков. Конечно, власть не может обойти вниманием тему казахского воинского духа. Для национальной мифологии – это одна из ключевых тем. Поэтому в современном Казахстане прославляются подвиги великих воинов от батыров до панфиловцев (знаменитая дивизия была сформирована в Казахстане) [10].

Заключение: Таким образом, казахстанские идеологи задают нужные им модели национального поведения, ссылаясь на исконную казахскую традицию, которая возрождается после векового забвения.

Основная заслуга казахстанских политтехнологов в том, что они, учитывая ошибки других постсоветских лидеров, постарались разрушить стереотип об идеологическом бесплодии власти. Напротив, создается образ мудрой власти, имеющей собственную философию. Утверждается, что все «истории успеха» на Тайване, в Южной Корее, Сингапуре, Чили или даже в Китае начинались с экономической модернизации, и лишь затем правительство приступало к политическим реформам. Ведь преждевременная демократизация может свергнуть страну в хаос и тому пример соседняя Киргизия [11].

Из всего вышесказанного можно сделать простой вывод, чем быстрее центральноазиатские государства поймут, что в современных

условиях, нужны современная идеология и политический подход, тем быстрее пойдет процесс демократизации, а ее правильном понимании, не только странами «запада», но и международными организациями. Важно и то, что это поможет

им (всем, кроме Казахстана, последние успехи на мировой арене показали, что мы интегрировались в современный мир) интегрироваться в мировое сообщество и не приведет к губительным последствиям «Арабской весны».

References

- 1 Tseli razvitiya nysyachiletiya doklad na 2011 god.
- 2 // <http://www.un.org/russian/millenniumgoals/pdf/mdg2011.pdf>
- 3 Order and Disorder in the New World // www.state.gov
- 4 Zakaria F. The rise of liberal democracy // Foreign affairs- Marc/April, 1998. S. 38-50
- 5 K. Schonberg Traditions and Interests: American Belief Systems, American
- 6 Kulagin V.M. Rezhimni faktor vo vneshnei politike posovetskikh gosudarstv // Polis, 2004, N 1. S. 115-124
- 7 Developing Democracy, Toward Consolidation//Johns Hopkins University Press, 2005 384 s.
- 8 Furman D. Divergenciya politicheskix sistem na postsovetskom prostranstve // Svobodnaya mysl' XXI, 2004, N 10. S. 14-24
- 9 Subbotin A. Perspektivi revolucii V Kazakhstani // [www.analitika.org/article.php?story = 2005052202020722](http://www.analitika.org/article.php?story=2005052202020722)
- 10 Belkovski S. Reiting pretendentov na revoluciyu // [http://www.analitika.org/article.php?story = 20050522021033988](http://www.analitika.org/article.php?story=20050522021033988)
- 11 Yuzhny flang SNG. Tsentralnaya Aziya – Kaspi – Kavkaz: vozmozhnosti i vyzovy Rossii. / Pod red. M.M. Narinskogo, M, 2006 245 s.
- 12 Freedom House Website, methodology page
- 13 // <http://www.freedomhouse.org/template>
- 14 УДК 339.522